

Оригинальная статья

УДК 316.472

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2023-9-5-59-74>

Повседневные коррупционные практики молодежи Аргентины и России: опыт сравнительного анализа

Исабель Антониета Морайта^{1✉}, Николай Александрович Пруель²

^{1,2}Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹isabelamorayta@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0608-7747>

²pruijel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1468-1145>

Введение. Актуальность темы обусловлена сложностью и многомерностью феномена коррупции, ее негативным влиянием на все стороны жизнедеятельности современного общества. Из обзора литературы видно, что коррупция анализировалась с разных сторон, хотя сравнений между такими странами, как Россия и Аргентина, не было обнаружено. Сравнение коррупционного поведения в этих двух обществах представляет научный интерес, поскольку они имеют общие черты, не принадлежат к числу либерально-западных стран, но одновременно сильно различаются по таким факторам, как экономическая и политическая стабильность.

Методология и источники. С теоретико-методологической точки зрения исследование основывается на научных трудах Р. Мертона, П. Бурдьё и М. Заложной, посвященных вопросам девиантного поведения, мотивации действия, практического смысла и коррупционного поведения. В данной статье выявляется, анализируется и сравнивается коррупционное поведение в повседневной жизни в России и Аргентине, исходя из данных, которые обеспечивают российские и аргентинские молодые люди в виртуальных интервью, проводившихся в 2020 г. (N25), и в фокус-группах (N2), реализованных до пандемии, и из материалов СМИ. Используется программа анализа качественных данных Atlas-ti.

Результаты и обсуждение. В Аргентине коррупционное поведение используется для улучшения материальных условий жизни в контексте ограничений, в то время как в России оно больше связано с целью ускорения срока, получения лучших услуг, окончания учебы или избегания смены жизненного проекта. Что касается институтов, упоминают университеты и больницы.

Заключение. Исследование показывает, что ни в России, ни в Аргентине логика коррупционного поведения не может быть сведена к логике экономического поведения, поскольку существуют различные мотивы, такие как страх, обычай, отстаивание права. Идея о том, что определенные ситуации решаются деньгами, широко распространена среди молодежи обоих обществ.

Ключевые слова: Аргентина, Россия, коррупция, интервью, сравнительный анализ

Для цитирования: Морайта И. А., Пруель Н. А. Повседневные коррупционные практики молодежи Аргентины и России: опыт сравнительного анализа // ДИСКУРС. 2023. Т. 9, № 5. С. 59–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-59-74.

© Морайта И. А., Пруель Н. А., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Everyday Corruption Practices of Young People in Argentina and Russia: the Experience of Comparative Analysis

Isabel A. Morayta^{1✉}, *Nikolai A. Pruel*²

^{1,2}*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

¹✉*isabelamorayta@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0608-7747>*

²*pruijel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1468-1145>*

Introduction. The relevance of the topic is conditioned by the complexity and multidimensionality of the phenomenon of corruption and its negative impact on all aspects of modern society. The literature review shows that corruption has been analyzed from different angles, although no comparisons were found between countries such as Russia and Argentina. The comparison of corrupt behavior in these two societies presents academic interest because they share common features, do not belong to liberal-Western countries, but at the same time differ greatly in such factors as economic and political stability.

Methodology and sources. From the theoretical and methodological point of view, the research is based on the scientific works of R. Merton, P. Bourdieu and M. Zoloznaya devoted to the issues of deviant behavior, motivation of action, practical sense and corrupt behavior. This article identifies, analyzes and compares corrupt behaviors in everyday life in Russia and Argentina, based on data provided by Russian and Argentinean young people in virtual interviews conducted in 2020 (N25) and in focus groups (N2) implemented before the pandemic, and media materials. Atlas-ti qualitative data analysis program is used.

Results and discussion. In Argentina, corrupt behavior is highlighted to improve material living conditions in the context of constraints and in relation to institutions, Argentines mention more the police. While in Russia it is more related to the purpose of speeding up time, getting better services, graduating or avoiding a change of life project. Regarding institutions, universities and hospitals are mentioned.

Conclusion. The study shows that neither in Russia nor in Argentina can the logic of corrupt behavior be reduced to the logic of economic behavior, as there are different motives, such as fear, custom, and assertion of right. The idea that certain situations are solved by money is widespread among young people in both societies.

Keywords: Argentina, Russia, corruption, interview, comparative analysis

For citation: Morayta, I.A. and Pruel, N.A. (2023), "Everyday Corruption Practices of Young People in Argentina and Russia: the Experience of Comparative Analysis", *DISCOURSE*, vol. 9, no. 5, pp. 59–74. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-59-74 (Russia).

Введение. Актуальность темы обусловлена сложностью и многомерностью феномена коррупции, ее негативным влиянием на все стороны жизнедеятельности современного общества. За последние 30 лет коррупция приобрела в общественном мнении статус публичной проблемы как на уровне отдельных стран, так и в международной повестке дня.

Исследования, посвященные коррупции, могут быть классифицированы по трем большим блокам: 1) экономический анализ, прежде всего основанный на подходе рационального

действия; здесь коррупция понимается как рациональное поведение в данном контексте стимулов; 2) социокультурные работы, которые обращают внимание на структурные, нормативные или институциональные условия, ограничивающие или нет коррупционное поведение; 3) социологические и антропологические исследования, выходящие за легально-нормативные пределы, анализирующие связи, которые устанавливаются между участниками коррупционных ситуаций.

С середины 1960-х гг. экономисты [1–3] рассматривали коррупцию как положительный, выгодный и полезный ответ в обществах с развитой бюрократией и неэффективными институтами. Позднее Дж. Най [4], Г. Беккер и Дж. Стиглер [5] и С. Розе-Акерман [6] отказались от положительного аспекта, подчеркивали отрицательный компонент коррупции и характеризовали ее как результат контекста неадекватных стимулов, где индивиды рационально действуют. Следуя такой линии анализа, зарубежные авторы сосредоточили свое внимание на изучении причин коррупции [7–9], ее последствиях и соответственных политических решениях [10–12].

В ходе социокультурных исследований коррупции ученые рассматривают связи между социальными нормами и склонностью нарушения их индивидами [13], а также между официальной религией и уровнем коррупции в разных странах [14–16].

В Аргентине изучается вопрос коррупции в рамках экономических и политологических наук, но в социологическом поле качественные исследования нацелены на выявление того, как коррупция влияет на повседневную жизнь населения низшего и среднего класса [17] и как соотносятся между собой восприятие коррупции и политическая идентичность [18]. Качественно-количественные работы анализируют соотношение между коррупцией и уровнем доверия граждан к государственным институтам, демократии и экономическому развитию [19]. При исследовании коррупции в рамках социологии элит уделяется внимание взаимосвязи экономических элит с политическими элитами и государством [20–22] и конфликтам интересов [23, 24]. Как правило, проводятся сравнительные исследования стран Латинской Америки [25–27].

Что касается российского академического поля, социологи изучают коррупцию как неформальную практику, связанную как с функционированием институтов [28], так и с повседневной жизнью граждан [29–31]. Также исследователи уделяют внимание коррупции в сферах образования [32, 33]. Проводится сравнительный анализ природы, причин, механизмов, уровней и последствий коррупции в России и в развитых, азиатских или бывших ранее в составе СССР странах [34, 35]. В итоге некоторые авторы [36–38] рассматривают особенности коррупции в России в связи с ее советским наследием и сравнивают их со спецификой других посткоммунистических стран.

Изучение коррупции в таких странах, как Россия и Аргентина, может способствовать всестороннему пониманию коррупции в различных институциональных и административных контекстах. Эти две страны имеют общую черту: ни одна из них не принадлежит к более развитым западно-либеральным странам, т. е. их институциональные и административные системы не соответствуют рационально-бюрократическим и западным моделям. Но в то же время они сильно различаются по вопросам, связанным с политико-институцио-

нальной и экономической стабильностью и социопсихологическими факторами, такими как доверие к институтам. Таким образом, сравнение коррупционных практик в таких обществах представляет собой интересную задачу в научном плане и может углубить понимание природы и причин коррупции в разных институциональных и административных контекстах.

С нашей точки зрения, коррупция представляет собой управленческую проблему, которая является способом взаимодействия, имеющим место в рамках разных исторически созданных управленческих систем. Эти системы сочетают формы социальной организации взаимодействия (формальное, неформальное, ориентированное на цели, эмоции и т. д.), типы собственности (государственная и частная) и власть (асимметричные ситуации, иерархии). Следовательно, коррупция – способ поведения, который возникает в управленческой области, связывающей экономические, политические и организационные факторы.

Цели данной статьи – проведение сравнительного анализа и выявление сходства и различия коррупционного поведения молодежи в повседневной жизни России и Аргентины.

Методология и источники. Социологические перспективы анализа коррупционного поведения могут преодолеть ограничения экономического подхода (коррупция как рациональное поведение для получения выгоды), с уделением внимания факторам культуры, таким как религия, привычки, ценности, для понимания того, почему человек ведет себя коррумпированным образом.

Согласно теории девиантного поведения Р. Мертона [39] коррупция может быть проанализирована как форма индивидуальной адаптации в контексте аномии. По мнению исследователя, аномия означает не отсутствие норм, а скорее дисбаланс между социальными требованиями общества и институционализированными средствами для их удовлетворения.

П. Бурдые указывает, что теория рационального актора уменьшает действие к механической реакции абстрактного актора (совсем информирован) и объясняет «происхождение» всех действий в стремлении получить максимальную выгоду при минимально возможных затратах. Такая позиция предполагает ограниченное понятие рациональности практик потому, что связывает их исключительно с экономическими интересами как цели, сознательно установленные [40, с. 82]. Соответственно, научный анализ коррупционного поведения не предполагает причины и мотивы агентов, а стремится выявить и объяснить их.

По мнению П. Бурдые, теория рационального действия заменяет практический смысл, который агент развивает в своей повседневной жизни, размышляя и анализируя эти практики [41, с. 84]. Таким образом, коррупционная практика не может быть объяснена исключительно в соответствии с этой теоретической моделью по двум причинам: 1) наличие всей информации является исключительной ситуацией для агента; 2) решение о совершении коррупционного деяния и «система предпочтений» (предрасположенность к принятию определенного решения) зависят от предыдущих решений агента и условий, в которых эти «варианты» выполняются [40, с. 102]. П. Бурдые введет понятие смысла игры: как только игрок усваивает правила игры, он делает то, что нужно сделать, в то время, когда необходимо, без явного указания целей или результатов [42, с. 166]. Теория П. Бурдые больше не принадле-

жит исключительно к экономической области, но относится ко всем социальным практикам. Действительно, сокращение понятия интереса к экономической сфере препятствует соблюдению некоторых практик, построенных на неэкономических принципах. Распространение понятия интереса на другие области (честь, отношения, спасение и т. д.) позволяет объяснить явно более «бескорыстные» практики, основанные на логике интереса, так как нематериальные выгоды также направляют действия людей [41, с. 80].

В этом смысле, согласно М. Заложной, чтобы глубже понять коррупционное поведение, необходимо анализировать экономику обмена и ее последствия для реальных участников, а не предполагать их. Таким образом, сравнительно-социологический анализ коррупции предполагает учет трех социологических принципов: 1) социальные корни коррупции; 2) множественность последствий власти; 3) разнообразие рациональностей человеческого поведения [43].

Исходя из этих предпосылок, коррумпированное поведение можно отнести к формам действий, в которых имеется частное присвоение коллективного или общинного имущества [43, с. 721], которое не ограничивается одним административным и институциональным пространством и в котором присутствует власть, но ее направление не может быть определено заранее, а должно определяться в каждой конкретной ситуации.

В данном исследовании выявляется, анализируется и сравнивается коррупционное поведение в России и Аргентине, исходя из данных, которые обеспечивают российские и аргентинские молодые люди в виртуальных интервью, проводившихся в 2020 г. (N25), и в фокус-группах (N2), реализованных до пандемии, и из материалов СМИ. В Аргентине проводились 14 интервью (8 женщин и 6 мужчин; от 20 до 24 лет – 5 чел. и от 25 до 34 лет – 9 чел.). В России – 11 интервью (6 женщин и 5 мужчин; от 20 до 24 лет – 4 чел. и от 25 до 34 лет – 7 чел.). В фокус-группах участвовали 15 молодых людей от 20 до 24 лет, 9 женщин и 6 мужчин.

Исследование проведено через программу анализа качественных данных Atlas-ti.

Результаты и обсуждение. В ходе интервью участников спрашивали, что они понимают под коррупцией, как они ее определяют и как бы они объяснили коррупцию другому человеку. На основе их ответов их попросили подробно объяснить те действия в повседневной жизни, о которых они знали и считали коррупционными, а также те, в которых они участвовали. В ходе анализа было установлено, что эти действия имеют определенные характеристики, которые позволили сгруппировать их по количеству вовлеченных людей, частоте возникновения, организационному механизму, включению в должностные функции и злоупотреблению властью со стороны сил безопасности в аргентинском случае.

В табл. 1 приведены данные, предоставленные аргентинскими участниками.

В аргентинском случае имеет место поведение, которое не предполагает участия какого-либо другого лица. Такое поведение является регулярным и представляет собой механизм повышения зарплаты. Для государственных служащих этот механизм узаконен властью и представляет собой способ повышения заработной платы, которая признается низкой. В России, по крайней мере из информации, предоставленной участниками, поведение с этими характеристиками не наблюдается.

Таблица 1. Коррупционные практики, описанные аргентинскими респондентами
Table 1. Corrupt practices described by Argentine respondents

Классификация коррупционных практик	Коррупционная практика описана респондентом
Коррупционные действия, которые позволяют получать неоправданную выгоду без вовлечения в эти действия других людей	<ul style="list-style-type: none"> – На работе оплачивают транспортные расходы. Работник предоставляет поддельные чеки, чтобы увеличить сумму для получения (интервью 1). – Государственные служащие утверждают, что делают сверхурочную работу, которую они не выполняют с согласия властей, в качестве механизма повышения заработной платы (интервью 10, 14). – Сделать подпольную, тайную и незаконную связь и не платить компании за свет, воду, газ (интервью 13)
Практики, включающие участие двух или более человек и выполняемые спонтанно или только один раз	<ul style="list-style-type: none"> – Дать взятки полицейским на маршруте (интервью 1, 8), за незаконную торговлю на улице (интервью 4, 5, 12), за вечеринку (интервью 6). – Строительный проект. Чиновник, который должен одобрить проект, требует «внимания» (интервью 11). – Сотрудник Национального управления социальной защиты (ANSES) продает дисконтные транспортные карты пенсионера (интервью 13)
Практики, предполагающие участие двух или более человек и продолжающиеся в течение времени	<ul style="list-style-type: none"> – Техник, работающий в фирме, незаконно навязывает долгосрочные собственные услуги в жилом доме и ежемесячно получает за это «доход» (интервью 2, 13). – Любой социальный работник обязан иметь регистрационный номер. Для этого необходимо иметь диплом об образовании. Известны случаи, когда в обмен на ежемесячные «взносы» некоторые люди, еще не получившие соответствующего образования, получают печать и регистрационный номер для работы социальным работником (интервью 3). – Регулярные полицейские поборы с местных торговцев в целях «обеспечения» их «безопасности» (интервью 10). – Выполнение работ на определенную сумму и выставление счетов на более высокую сумму. Разница делится между двумя сторонами (интервью 8). – Семья платит взятки полицейским и судьям, чтобы их заключенный родственник жил с евангелистами с целью его безопасности (интервью 13)
Практики, связанные со злоупотреблением властью	<ul style="list-style-type: none"> – Полицейский наряд без причины задерживает молодых людей на улице и всю смену (как правило, ночную) удерживает их в своей патрульной машине (интервью 5). – Двое молодых людей на улице. Полицейские останавливают их и замечают, что у них есть сигарета с марихуаной. Они требуют денег, чтобы не отвозить их в участок. Молодые люди отдают все деньги, которые у них есть (интервью 12)
Практики, подразумевающие наличие организации, основанные на специализации ролей и разделении задач	<ul style="list-style-type: none"> – Наводнение в трущобах, т. е. очень бедных районах. Пострадавшие получают все необходимое (холодильник, кровати, матрасы и т. д.) в обмен на голоса на выборах (интервью 7)
Практики, которые выполняются как задачи работы	<ul style="list-style-type: none"> – Компания по окрашиванию тканей, которая загрязняет окружающую среду. Каждую пятницу сотрудник должен вручать комиссару конверт с деньгами (интервью 13)

В таблице 2 приведены данные, предоставленные российскими участниками.

Таблица 2. Коррупционные практики, описанные российскими респондентами
Table 2. Corrupt practices described by Russian respondents

Классификация коррупционных практик	Коррупционная практика описана респондентом
Практики, включающие участие двух или более человек и выполняемые спонтанно или только один раз	<ul style="list-style-type: none"> – Дать/вымогать полицейским взятку на улице (интервью 15, 18, 19, фокус-группы 1, 2). – Дать/вымогать взятку при сдаче экзамена на права (интервью 15, 20–22, фокус-группы 1, 2). – Подарить что-то коменданту в общежитии, чтобы сделать что-то неразрешенное (интервью 15). – Дать какой-то подарок с расчетом на то, чтобы получить что-то большее или что-то лучшее (интервью 17). – Дать взятку, чтобы получить справку в армии (интервью 18). – Устройство члена семьи или друга на работу вместо более квалифицированного человека (интервью 20, 21). – Платить за то, что автомобиль стоит не на платной стоянке (фокус-группа 1). – Платить, чтобы поступить в университет (фокус-группа 1). – Купить маленький подарочек и получить больничный (фокус-группа 1). – Сделать подарок, чтобы получить паспорт быстрее установленного срока (фокус-группа 1). – Преподаватели сами пишут дипломные работы за студентов (фокус-группа 1). – Чтобы уложить бабушку в больницу и обеспечить хороший уход, необходимо заплатить (фокус-группа 1). – Везти подарок представителю компании с целью найти клиентов – откаты (интервью 23). – Когда человек пытается с помощью какой-то коррупции просто не запачкать свою репутацию (интервью 24). – В вузах у студентов вымогать деньги, чтобы они успешно закончили какой-то курс, получили зачет, сдали экзамен и т. д. (интервью 16, 19, 20–25, фокус-группы 1, 2). – Преподаватели намекают, что надо «купить» у них дополнительные или репетиторские курсы, и только в таком случае можно успешно сдать экзамен (интервью 16). – Дать взятку в больнице (интервью 19, 20, 24, 25, фокус-группа 1). – Взятки в ГИБДД (интервью 19, фокус-группа 1). – Платить взятку, чтобы сделать ремонт дома (интервью 19)
Практики, которые включают участие более двух человек и включают в себя различные роли и задачи	<ul style="list-style-type: none"> – В вузах платить, чтобы сдать экзамены (интервью 22, 24, фокус-группа 2). – Дать/ вымогать взятку при сдаче экзамена на права (интервью 19, 20, фокус-группа 2)
Практики, которые выполняются как часть функций работы	<ul style="list-style-type: none"> – Дарить дорогие подарки представителям компаний, чтобы сделать их своими клиентами (интервью 23). – Чтобы привлечь клиента, надо представителю компании платить процент от общей сделки. Дать конверт с деньгами (интервью 24)

Практики, широко распространенные в аргентинском обществе, связаны с целью улучшить условия жизни и включают незаконное подключение коммунальных услуг, таких как свет, газ, вода, интернет и частное телевидение. Незаконное подключение предполагает присвоение товара или услуги без оплаты за него. Коррупционное поведение сосредотачивается на отношениях с техником фирмы, который устанавливает подключение в обмен на деньги,

которые он снимает каждый месяц. Поведение является регулярным, долгосрочным и может включить в себя аффективные связи между сторонами. Несмотря на асимметрию власти между сторонами, устанавливается более равная связь, чем с компаниями, которые могут повысить цену без проведения переговоров.

В России ни один участник опроса не упоминал тип поведения, подобный следующим: 1) по цели: присвоение коммунальной услуги; 2) по времени: на длительный срок; 3) по способу: установление связи с тем, кто может ее обеспечить.

В Аргентине также проявляется коллективное коррупционное поведение, при котором группа людей с разными ролями организуется для получения имущества, потерянного в результате катастрофы, в ситуации, когда местное правительство не решает проблему. Такое поведение представляет собой способ решения серьезных вопросов для значительного числа людей.

Практически все российские участники как интервью, так и фокус-групп упоминают об уплате дополнительных сумм в вузах с целью поступления или сдачи зачетов и о дарении подарков. Такое поведение является либо индивидуальным, либо организованным. Респондент вспоминает: «Когда я училась в университете, я много раз платила за свои сдачи, я не хотела учиться. В основном все было организовано до меня... и мне как студенту оставалось только выяснить, кому сдать, когда и сколько, потому что даже не надо разговаривать с самими преподавателями... уже есть люди, которые разговаривают с ними. Все еще до моего поступления в тот университет, и у них есть схема» (интервью 22). Другой участник говорит: «Я знал, сколько нужно дать за какую-то оценку... на каждый экзамен по-своему и зависит от предмета и от преподавателя» (интервью 24). Подробно объясняет схему: «Есть группа студентов либо группа выпускников, которые стоят обособленно и хорошо общаются с одним или со всеми преподавателями кафедры, они вместе договариваются на определенные цены и тайно, никто не знает, когда они встречаются и передают сумму со списком студентов... допустим, студенты А, Б, В заплатили по такой-то сумме и нужно поставить какую-то оценку. Как это происходит на экзамене? Студент либо не приходит, а в зачетке у него появляется оценка, либо он приходит и преподаватель заранее задает 2-3 простых вопроса, на которые студент точно может ответить» (интервью 24). Девушка упоминает: «Там запросили 30 тысяч. Я получила сообщение через социальные сети. Думаю, что этот человек был либо членом приемной комиссии, либо студентом-помощником» (фокус-группа 1). Другой добавляет: «Там вообще распространена практика, когда преподаватели сами пишут дипломные работы за студентов. Вот еще пример: 30 тысяч за консультацию за все» (фокус-группа 1). По данным исследования, примерно 23 % опрошенных студентов утверждают, что платят за зачет, экзамен или пропуски, чтобы поступить в вуз или не быть отчисленными [44].

В Аргентине эти виды практик не упоминаются ни одним респондентом. Даже по требованию интервьюера они утверждают, что не знают такого вида практик, что никогда не видели и не участвовали в них. Некоторые респонденты, хотя и не уверены, думают, что какая-то коррупция в университете должна существовать: «Возможно, на факультете есть коррупция, но я никогда не слышала... т. е. я не могу привести примеров» (интервью 9). Другой участник говорит: «На факультете должна быть коррупция» (интервью 12). Они утверждают, что есть коррупция в университете, потому что чувствуют, что нет социальной

сферы без коррупции. Поэтому даже если у них нет опыта, в университете, вероятно, есть коррупция.

После университетской реформы 1918 г. доступ к университету свободный и неограниченный, и в 1949 г. был учрежден бесплатный университет, т. е. студенты, как аргентинские, так и иностранные, поступают бесплатно в университет без предварительного экзамена и без возрастных ограничений. Анализ в СМИ показывает, что, в соответствии с утверждениями респондентов, коррупционная практика в университетах связана не с выплатой сумм преподавателям за сдачу зачетов и экзаменов, а с управлением университетскими фондами и незаконным обогащением некоторыми ректорами или деканами, которые также связаны с политической властью [45, 46]. Кроме того, университет является учреждением, которое вызывает наибольшее доверие в аргентинском обществе, за ним следуют государственные школы и больницы [47].

По поводу ситуации, в которой двое молодых людей курили сигарету с марихуаной и были вынуждены заплатить полицейским деньги, можно указать, что в 2009 г. Верховный суд признал неконституционной статью закона [48], которая предусматривает наказание за хранение в небольших количествах марихуаны для личного потребления. Молодые люди не нарушали закон, однако заплатили сумму, которую требовали полицейские. В этом смысле необходимо выделить некоторые аспекты сил безопасности в Аргентине: количество людей, убитых силами безопасности, превышает 3 800 случаев в период с 1996 по 2021 г. [49]. В контексте обязательной профилактической изоляции в связи с пандемией ковида с марта по август 2020 г. осуществили насилие и убили более 30 человек [50]. По данным Министерства безопасности провинции Буэнос-Айреса, одной из основных причин увольнения полицейских является насилие в отношении граждан [51]. Доверие аргентинцев к полиции является относительно низким – 38 % [52]. В этом контексте можно предположить, что молодые более склонны участвовать в коррумпированной акции, предложенной полицейским, чем отказываться, и они это делают из страха. В России такое поведение не упоминается. Это не обязательно означает его отсутствие. Но это не тот элемент, который российские респонденты подчеркивают, когда говорят о коррупции. Участник говорит: «Я курил. Меня остановили на улице. Я заплатил 500 руб. и меня оставили в покое. Полицейские не установили величины, но я знал, что практика примерно 500 руб. Я попробовал, их эта сумма удовлетворила, и конфликт был разрешен» (фокус-группа 1).

Аналогично молодые аргентинцы отмечают, что регулярно платят взятки на дорогах. Иногда этого требуют полицейские, а иногда они предлагали сами. Они постоянно слышат, что «проблемы с полицией решаются деньгами». Как правило, не считают такую практику коррумпированной, скорее это механические и бессознательные действия. Респондент упоминает: «Я думаю, что есть ситуации, где злоупотребляют властью, и ты, как гражданин, ничего, у тебя есть привычка, потому что с детства ты слушаешь «полицейскому даешь несколько песо и все», и это инкорпорировано... и ты делаешь, потому что ты уже привыкла к этому» (интервью 8). В этом случае дача взяток оказывается не коррупционным поведением, а привычкой.

Российские участники упоминают коррупционную практику в больницах. Такая практика предполагает дарение денег и подарков врачам. Но кроме того, они отмечают, что

такую практику регулярно выполняли их родители и бабушки. Они растут, слушая, как их родственники говорят о том, что таким образом необходимо вести себя. Аргентинцы, напротив, в беседе с интервьюером не упоминают ни о какой подобной практике.

Представления о коррупции в Аргентине связаны с политикой [53]. Таким образом, деятельность, которая в принципе не имеет политического характера, не считается коррупционной. В этом смысле сферы здравоохранения и образования для аргентинцев находятся вне политической деятельности и вне коррупции.

Вместо этого для россиян представления о коррупции ассоциируются с государством [53]. Независимо от того, какую деятельность они осуществляют, они больше доверяют частным, чем государственным учреждениям. Как говорит один из респондентов: «Начать менять законодательство, чтобы как в частных клиниках, чтобы был способ легально дать, использовать ресурсы и получить результат, тогда все будет нормально. Из-за того, что нет легального способа быстро достичь результата, начинается проблема коррупции, мне так кажется» (интервью 24).

В Аргентине люди больше доверяют государственным учреждениям, чем частным, особенно в области здравоохранения и образования. Неолиберальная политика 1990-х гг., характеризующаяся сокращением государственного вмешательства и приватизации государственных предприятий, привела к худшему кризису в Аргентине в конце 2001 г.

В России выявляются практики, которые хотя считаются респондентом коррупционными, им же интерпретируются и оправдываются как крайний случай, чтобы уклониться от призыва в армию. В этом смысле коррупционное поведение – это ресурс, используемый, чтобы не подвергать риску жизнь и избегать изменений в профессиональных, семейных проектах и т. д. В Аргентине такого поведения нет, так как в 1994 г. была прекращена обязательная военная служба.

Заключение. Исходя из теории П. Бурдье, ни в России, ни в Аргентине логика коррупционного поведения не может быть сведена к логике экономического поведения, поскольку существуют различные мотивы, такие как страх, обычай, отстаивание права, перед другими. Коррупционное поведение субъекта не остается неизменным во времени: человек может быть коррумпированным в определенных взаимодействиях, ситуациях и обстоятельствах, но не в других. Коррупционное поведение также является частью смысла игры: люди делают то, что им нужно делать, в тот момент, когда им нужно, неосознанно ставя цели: «Меня останавливает полиция или мне нужно получить права, тогда я должен заплатить деньги».

Эти идеи широко распространены среди молодежи: они слышат, что определенные ситуации решаются деньгами или подарками.

В то время как некоторые виды коррупционного поведения являются рациональными (люди устанавливают цель, анализируют средства и получают необходимую информацию об условиях и последствиях в течение значительного периода времени), другие характеризуются иными признаками: неопределенностью, необратимостью и быстротой. В частности, в таких случаях человек обращается к имеющимся у него ресурсам, своим идеям, восприятию и личному опыту, т. е. к своему практическому смыслу.

Административно-институциональные условия, в которых наиболее часто упоминаемые коррупционные практики имеют место, различны: аргентинцы больше упоминают полицию, а российские – университеты и больницы. В Аргентине коррупционное поведе-

ние используется для улучшения материальных условий жизни при существующих ограничениях или для работы, в то время как в России оно больше связано с целью ускорения срока, получения лучших услуг, окончания учебы или избегания смены жизненного проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption // *American Behavioral Scientist*. 1964. Vol. 8, iss. 3. P. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/000276426400800303>.
2. Leys C. What is The Problem about Corruption? // *The J. of Modern African Studies*. 1965. Vol. 3, iss. 2. P. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00023636>.
3. Huntington S. *Political order in changing societies*. New Haven: Yale Univ. Press, 1968.
4. Nye J. S. Corruption and political development: A cost-benefit analysis // *American Political Science Review*. 1967. Vol. 61, iss. 2. P. 417–427. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953254>.
5. Becker G. S., Stigler G. J. Law enforcement, malfeasance, and compensation of enforcers // *The J. of Legal Studies*. 1974. Vol. 3, iss. 1. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1086/467507>.
6. Rose-Ackerman S. The Economics of Corruption // *J. of Public Economics*. 1975. Vol. 4, iss. 2. P. 187–203. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727\(75\)90017-1](http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727(75)90017-1).
7. Aidt T. S. The causes of corruption // *CESifo DICE Report*. 2011. Vol. 9, iss. 2. P. 15–19.
8. Ades A., Di Tella R. The new economics of corruption: A survey and some new results // *Political Studies*. 1997. Vol. 45, iss. 3. P. 496–515. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00093>.
9. Shleifer A., Vishny R. Corruption // *The Quarterly J. of Economics*. 1993. Vol. 108, iss. 3. P. 599–617. DOI: <https://doi.org/10.2307/2118402>.
10. Rose-Ackerman S. Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process // *European J. of Sociology*. 2001. Vol. 42, no. 3. P. 526–570. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003975601001084>.
11. Mauro P. Why worry about corruption? // *Economic Issues*. 1997. № 6. P. 1–19.
12. Gray C. W., Kaufman D. Corruption and development // *Finance & Development*. 1998. March. P. 7–10.
13. Barr A., Serra D. Corruption and culture: An experimental analysis // *J. of Public Economics*. 2010. Vol. 94, iss. 11–12. P. 862–869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.07.006>.
14. Paldam M. Corruption and religion adding to the economic model // *Kyklos*. 2001. Vol. 54, iss. 2–3. P. 383–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00160>.
15. Treisman D. The causes of corruption: A cross-national study // *J. of Public Economics*. 2000. Vol. 76, iss. 3. P. 399–457. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00092-4).
16. Sandholtz W., Koetzle W. Accounting for corruption: Economic structure, democracy, and Trade // *International Studies Quarterly*. 2000. Vol. 44, no. 1. P. 31–50. DOI: [10.1111/0020-8833.00147](https://doi.org/10.1111/0020-8833.00147).
17. Boniolo P. La trama de corrupción: un estudio en la clase media y la clase trabajadora de Buenos Aires // *Revista Mexicana de Sociología*. 2010. Vol. 72, no. 3. P. 365–391. DOI: <http://dx.doi.org/10.22201/iis.01882503p.2010.003.21486>.
18. Corral D. En torno a la política como “problema moral”: el clivaje corrupción-anticorrupción como principio de diferenciación política en la centroizquierda de los noventa // *Trabajo y Sociedad*. 2014. № 22. P. 447–459.
19. Sautú R. et al. Corrupción y democracia en la Argentina: La interpretación de los estudiantes universitarios // *Revista Argentina de Sociología*. 2005. Vol. 3, no. 4. P. 9–31.
20. Biscay P. Corrupción y criminalidad económica: Enfoques y problemas sociológicos para el Estado y la democracia // *Delito y Sociedad: Revista de Ciencias Sociales*. 2008. № 26. P. 59–80. DOI: [10.14409/dys.v2i26.5296](https://doi.org/10.14409/dys.v2i26.5296).
21. Canelo P., Castellani A. Perfil sociológico de los miembros del gabinete inicial del presidente Mauricio Macri // *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*. 2016. № 1. P. 1–37.

22. Morayta I. A. Relaciones entre elites: captura política y corrupción. El caso de Argentina (2015–2019) // *Iberoamérica*. 2020. № 4. P. 162–183. DOI: 10.37656/s20768400-2020-4-07.
23. Canelo P., Castellani A. Puerta giratoria, conflictos de interés y captura de la decisión estatal en el gobierno de Macri. El caso del Ministerio de Energía y Minería de la Nación // *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*. 2017. № 2. P. 1–26.
24. Castellani A. Lobbies y puertas giratorias. Los riesgos de la captura de la decisión pública // *Nueva Sociedad*. 2018. № 276. P. 48–61.
25. Ferguson R. T. The effects of gender on corruption in Latin America // 17th Annual Summer Fellows Symposium. July 24, 2015. Pennsylvania / Ursinus College, Pennsylvania, USA.
26. Gudynas E. Extractivismos y corrupción en América del Sur. Estructuras, dinámicas y tendencias en una íntima relación // *RevISE: Revista de Ciencias Sociales y Humanas*. 2017. Vol. 10, no. 10. P. 73–87.
27. Míguez D., Dewey M. The conditions of socioeconomic development exploring the legitimacy of social norms, trust, and corruption in Chile and Argentina // *MPIfG Discussion Paper*. 2018. No. 18. P. 1–25.
28. Denisova-Schmidt E. Corruption and informal practices in Russia // *Euxeinos*. 2012. No. 7. P. 3–19.
29. Osipov G. V., Glotov V. I., Karepova S. G. Population in the shadow market: Petty corruption and unpaid taxes // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2018. Vol. 6, no. 2. P. 692–710. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2\(16\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2(16)).
30. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // *Журнал российского права*. 2017. Т. 246. № 6. С. 154–167. DOI: 10.12737/article_59240d4b35c386.05320634.
31. Меджидов И. С. Специфика бытовой коррупции // *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 2. С. 151–153.
32. Denisova-Schmidt E. Corruption in Russian higher education // *Russian Analytical Digest*. 2016. № 191. P. 3–59.
33. Osipian A. L. Education corruption, reform, and growth: Case of Post-Soviet Russia // *J. of Eurasian Studies*. 2012. Vol. 3, iss. 1. P. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.10.003>.
34. Терешкова В. В. Сравнительный анализ успешных практик противодействия коррупции в сфере школьного образования в зарубежных странах // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 1. С. 262–271.
35. Федотов Д. Уровень коррупции в России на фоне зарубежных стран // *Теневая экономика*. 2019. Т. 3, № 1. С. 17–32. DOI: 10.18334/tek.3.1.39949.
36. Beesley C. Globalization and corruption in post-Soviet countries: perverse effects of economic openness // *Eurasian Geography and Economics*. 2015. Vol. 56, iss. 2. P. 1–23. DOI: 10.1080/15387216.2015.1082923.
37. Ledeneva A. V. A critique of the global corruption “paradigm” // *Postcommunism from Within: Social Justice, Mobilization, and Hegemony* / ed. J. Kubik, A. Linch. NY: New York Univ. Press, 2013. P. 297–332.
38. Mungiu-Pippidi A. Corruption: Diagnosis and treatment // *J. of Democracy*. 2006. Vol. 17, iss. 3. P. 86–99.
39. Merton R. *Teoría y estructura sociales*. México: Fondo de Cultura Económica, 1995.
40. Bourdieu P. *El sentido práctico*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores Argentina, 2007.
41. Bourdieu P., Wacquant L. *Una invitación a la sociología reflexiva*. Buenos Aires: Siglo XXI Editores Argentina, 1995.
42. Bourdieu P. *Razones prácticas*. Barcelona: Anagrama, 1997.
43. Zaloznaya M. Beyond anti-corruptionism: Sociological imagination and comparative study of corruption // *Comparative Sociology*. 2013. Vol. 12, iss. 5. P. 705–751. DOI: 10.1163/15691330-12341281.

44. Змановская А. Четверть российских студентов дают взятки во время обучения в вузах // Известия. 2016. 17 февраля. URL: <https://iz.ru/news/604331> (дата обращения: 20.01.2022).
45. Cabrerros D. Crisis, denuncias y renunciaciones en la UBA // Página 12. 19.05.2015. URL: <https://www.pagina12.com.ar/diario/universidad/10-272997-2015-05-19.html> (дата обращения: 20.01.2022).
46. Talice D., Hof M. Quién es José Luis Giusti, el decano PRO de Económicas que renunció? // La izquierda Diario. 23.04.2015. URL: <https://www.laizquierdadiario.com/Quien-es-Jose-Luis-Giusti-el-decano-PRO-de-Economicas-que-renuncio> (дата обращения: 21.01.2022).
47. Índice de confianza en instituciones. 2016 // Consejo Económico y Social de la Ciudad de Buenos Aires. URL: <http://www.bdigital.cesba.gob.ar/handle/123456789/313> (дата обращения: 21.01.2022).
48. Fallo Arriola // Corte Suprema de la Nación. 25.08.2009. URL: <http://www.saij.gob.ar/corte-suprema-justicia-nacion-federal-ciudad-autonoma-buenos-aires-arriola-sebastian-otros-recurso-hecho-causa-9080-fa09000059-2009-08-25/123456789-950-0009-0ots-eupmocsollaf> (дата обращения: 20.01.2022).
49. Violencia policial // CELS. URL: <https://violenciapolicial.org.ar/violencia-policial/> (дата обращения: 21.12.2021).
50. Amnistía Internacional relevó más de 30 casos de violencia institucional en Argentina // Amnistía Internacional. 11.08.2020. URL: <https://amnistia.org.ar/amnistia-internacional-relevo-mas-de-30-casos-violencia-institucional-en-argentina/> (дата обращения: 29.12.2021).
51. Registro de expulsados de la Policía bonaerense // Ministerio de Seguridad de la provincia de Buenos Aires. URL: <https://www.mseg.gba.gov.ar/areas/asuntosinternos/index.html> (дата обращения: 29.12.2021).
52. Informe Anual 2021 // Latinbarómetro. URL: <https://www.latinbarometro.org/latContents.jsp> (дата обращения: 21.01.2022).
53. Morayta I. A. Los jóvenes y la corrupción: un análisis comparado de las percepciones en Rusia y Argentina // Iberoamérica. 2022. № 4. P. 162–183. DOI: 10.37656/s20768400-2022-4-08.

Информация об авторах.

Морайта Исабель Антониета – аспирантка (социология управления) Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 18 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, государственное управление, реформы, коррупция, поведение человека в разных управленческих контекстах, сравнительный анализ, Россия, Аргентина.

Пруэль Николай Александрович – доктор социологических наук (2003), доцент (2015), профессор кафедры социального управления и планирования Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология управления, государственное управление, управление организацией, социальное прогнозирование.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 01.06.2023; принята после рецензирования 22.06.2023; опубликована онлайн 20.11.2023.*

REFERENCES

1. Leff, N.H. (1964), "Economic development through bureaucratic corruption", *American Behavioral Scientist*, vol. 8, iss. 3, pp. 8–14. DOI: <https://doi.org/10.1177/000276426400800303>.
2. Leys, C. (1965), "What is the problem about corruption?", *The J. of Modern African Studies*, vol. 3, iss. 2, pp. 215–230. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0022278X00023636>.
3. Huntington, S. (1968), *Political order in changing societies*, Yale Univ. Press, New Haven, USA.
4. Nye, J.S. (1967), "Corruption and political development: A cost-benefit analysis", *American Political Science Review*, vol. 61, iss. 2, pp. 417–427. DOI: <https://doi.org/10.2307/1953254>.

5. Becker, G.S. and Stigler, G.J. (1974), "Law enforcement, malfeasance, and compensation of enforcers", *The J. of Legal Studies*, vol. 3, iss. 1, pp. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.1086/467507>.
6. Rose-Ackerman, S. (1975), "The Economics of Corruption", *J. of Public Economics*, vol. 4, iss. 2, pp. 187–203. DOI: [http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727\(75\)90017-1](http://dx.doi.org/10.1016/0047-2727(75)90017-1).
7. Aidt, T.S. (2011), "The causes of corruption", *CESifo DICE Report*, vol. 9, iss. 2, pp. 15–19.
8. Ades, A. and Di Tella, R. (1997), "The new economics of corruption: A survey and some new results", *Political Studies*, vol. 45, iss. 3, pp. 496–515. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00093>.
9. Shleifer, A. and Vishny, R. (1993) "Corruption", *The Quarterly J. of Economics*, vol. 108, iss. 3, pp. 599–617. DOI: <https://doi.org/10.2307/2118402>.
10. Rose-Ackerman, S. (2001), "Trust, honesty and corruption: Reflection on the state-building process", *European J. of Sociology*, vol. 42, no. 3, pp. 526–570. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003975601001084>.
11. Mauro, P. (1997), "Why worry about corruption?", *Economic Issues*, no. 6, pp. 1–19.
12. Gray, C.W. and Kaufman, D. (1998), "Corruption and development", *Finance & Development*, March, pp. 7–10.
13. Barr, A. and Serra, D. (2010), "Corruption and culture: An experimental analysis", *J. of Public Economics*, vol. 94, iss. 11–12, pp. 862–869. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.07.006>.
14. Paldam, M. (2001), "Corruption and religion adding to the economic model", *Kyklos*, vol. 54, iss. 2–3, pp. 383–413. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00160>.
15. Treisman, D. (2000), "The causes of corruption: A cross-national study", *J. of Public Economics*, vol. 76, iss. 3, pp. 399–457. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(99\)00092-4](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(99)00092-4).
16. Sandholtz, W. and Koetzle, W. (2000), "Accounting for corruption: Economic structure, democracy, and trade", *International Studies Quarterly*, vol. 44, no. 1, pp. 31–50. DOI: [10.1111/0020-8833.00147](https://doi.org/10.1111/0020-8833.00147).
17. Boniolo, P. (2010), "La trama de corrupción: un estudio en la clase media y la clase trabajadora de Buenos Aires", *Revista Mexicana de Sociología*, vol. 72, no. 3, pp. 365–391. DOI: <http://dx.doi.org/10.22201/iis.01882503p.2010.003.21486>.
18. Corral, D. (2014), "En torno a la política como 'problema moral': el clivaje corrupción-anticorrupción como principio de diferenciación política en la centroizquierda de los noventa", *Trabajo y Sociedad*, no. 22, pp. 447–459.
19. Sautú, R. et al. (2005), "Corrupción y democracia en la Argentina: La interpretación de los estudiantes universitarios", *Revista Argentina de Sociología*, vol. 3, no. 4, pp. 9–31.
20. Biscay, P. (2008), "Corrupción y criminalidad económica. Enfoques y problemas sociológicos para el Estado y la democracia", *Delito y Sociedad: Revista de Ciencias Sociales*, no. 26, pp. 59–80. DOI: [10.14409/dys.v2i26.5296](https://doi.org/10.14409/dys.v2i26.5296).
21. Canelo, P. and Castellani, A. (2016), "Perfil sociológico de los miembros del gabinete inicial del presidente Mauricio Macri", *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*, no. 1, pp. 1–37.
22. Morayta, I.A. (2020), "Relaciones entre elites: captura política y corrupción. El caso de Argentina (2015-2019)", *Iberoamérica*, no. 4, pp. 162–183. DOI: [10.37656/s20768400-2020-4-07](https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-4-07).
23. Canelo, P. and Castellani, A. (2017), "Puerta giratoria, conflictos de interés y captura de la decisión estatal en el gobierno de Macri. El caso Del Ministerio de Energía y Minería de la Nación", *Observatorio de elites argentinas de la Universidad Nacional de San Martín (UNSAM)*, no. 2, pp. 1–26.
24. Castellani, A. (2018), "Lobbies y puertas giratorias. Los riesgos de la captura de la decisión pública", *Nueva Sociedad*, no. 276, pp. 48–61.
25. Ferguson, R.T. (2015), "The effects of gender on corruption in Latin America", *17th Annual Summer Fellows Symposium*, Ursinus College, July 24, Pennsylvania, USA.
26. Gudynas, E. (2017), "Extractivismos y corrupción en América Del Sur. Estructuras, dinámicas y tendencias en una íntima relación", *RevllSE: Revista de Ciencias Sociales y Humanas*, vol. 10, no. 10, pp. 73–87.

27. Míguez, D. and Dewey, M. (2018), "The conditions of socioeconomic development exploring the legitimacy of social norms, trust, and corruption in Chile and Argentina", *MPfG Discussion Paper*, no. 8, pp. 1–25.

28. Denisova-Schmidt, E. (2012), "Corruption and informal practices in Russia", *Euxeinos*, no. 7, pp. 3–19.

29. Osipov, G.V., Glotov, V.I. and Karepova, S.G. (2018), "Population in the shadow market: Petty corruption and unpaid taxes", *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, vol. 6, no. 2, pp. 692–710. DOI: [https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2\(16\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2018.6.2(16)).

30. Sidorenko, E.L. (2017), "Condition and Dynamics of Petty Corruption in the Russian Federation", *J. of Russian Law*, vol. 246, no. 6, pp. 154–167. DOI: 10.12737/article_59240d4b35c386.05320634.

31. Medzhidov, I.S. (2016), "Specificity the manifestations everyday corruption", *Gaps in Russian Legislation*, no. 2, pp. 151–153.

32. Denisova-Schmidt, E. (2016), "Corruption in Russian higher education", *Russian Analytical Digest*, no. 191, pp. 3–59.

33. Osipian, A.L. (2012), "Education corruption, reform, and growth: Case of Post-Soviet Russia", *J. of Eurasian Studies*, vol. 3, iss. 1, pp. 20–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2011.10.003>.

34. Tereshkova, V.V. (2015), "Comparative analysis of successful practices of corruption counteraction in the sphere of school education in foreign countries", *Actual problems of economics and law*, no. 1, pp. 262–271.

35. Fedotov, D.Yu. (2019), "The level of corruption in Russia in comparison with foreign countries", *Shadow Economy*, vol. 3, no. 1, pp. 17–32. DOI: 10.18334/tek.3.1.39949.

36. Beesley, C. (2015), "Globalization and corruption in post-Soviet countries: perverse effects of economic openness", *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, iss. 2, pp. 1–23. DOI: 10.1080/15387216.2015.1082923.

37. Ledeneva, A.V. (2013), "A critique of the global corruption 'paradigm'", in Kubik, J. and Linch, A. (eds.), *Postcommunism from Within: Social Justice, Mobilization, and Hegemony*, New York Univ. Press, NY, USA, pp. 297–332.

38. Mungiu-Pippidi, A. (2006), "Corruption: Diagnosis and treatment", *J. of Democracy*, vol. 17, iss. 3, pp. 86–99.

39. Merton, R. (1995), *Teoría y estructura sociales*, Fondo de Cultura Económica, México, MEX.

40. Bourdieu, P. (2007), *El sentido práctico*, Siglo XXI Editores Argentina, Buenos Aires, ARG.

41. Bourdieu, P. and Wacquant, L. (1995), *Una invitación a la sociología reflexiva*, Siglo XXI Editores Argentina, Buenos Aires, ARG.

42. Bourdieu, P. (1997), *Razones prácticas*, Anagrama, Barcelona, ESP.

43. Zaloznaya, M. (2013), "Beyond anti-corruptionism: Sociological imagination and comparative study of corruption", *Comparative Sociology*, vol. 12, iss. 5, pp. 705–751. DOI: 10.1163/15691330-12341281.

44. Zmanovskaya, A. (2016), "A quarter of Russian students take bribes during their studies at universities", *Izvestia*, 17.02.2016, available at: <https://iz.ru/news/604331> (accessed 20.01.2022).

45. Cabrerros, D. (2015), "Crisis, denuncias y renuncias en la UBA", *Página 12*, 19.05.2015, available at: <https://www.pagina12.com.ar/diario/universidad/10-272997-2015-05-19.html> (accessed 20.01.2022).

46. Talice, D. and Hof, M. (2015), "Quién es José Luis Giusti, el decano PRO de Económicas que renunció?", *La Izquierda Diario*, 23.04.2015, available at: <https://www.laizquierdadiario.com/Quien-es-Jose-Luis-Giusti-el-decano-PRO-de-Economicas-que-renuncio> (accessed 21.01.2022).

47. "Índice de confianza en instituciones" (2016), *Consejo Económico y Social de la Ciudad de Buenos Aires*, available at: <http://www.bdigital.cesba.gob.ar/handle/123456789/313> (accessed 21.01.2022).

48. "Fallo Arriola. Corte Suprema de Justicia de la Nación" (2009), available at: <http://www.saij.gob.ar/corte-suprema-justicia-nacion-federal-ciudad-autonoma-buenos-aires-arriola-sebastian-otros->

recurso-hecho-causa-9080-fa09000059-2009-08-25/123456789-950-0009-0ots-eupmocsollaf (accessed 20.01.2022).

49. "Violencia policial", *CELS*, available at: <https://violenciapolicial.org.ar/violencia-policial/> (accessed 21.12.2021).

50. "Amnistía Internacional relevó más de 30 casos de violencia institucional en Argentina", (2020), *Amnistía Internacional*, 11.08.2020, available at: <https://amnistia.org.ar/amnistia-internacional-relevo-mas-de-30-casos-violencia-institucional-en-argentina/> (accessed 29.12.2021).

51. "Registro de expulsados de la Policía bonaerense" (2021), *Ministerio de Seguridad de la provincia de Buenos Aires*, available at: <https://www.mseg.gba.gov.ar/areas/asuntosinternos/index.html> (accessed 29.12.2021).

52. "Informe Anual" (2021), *Latinbarómetro*, available at: <https://www.latinobarometro.org/latContents.jsp> (accessed 21.01.2022).

53. Morayta, I.A. (2022), "Los jóvenes y la corrupción: un análisis comparado de las percepciones en Rusia y Argentina", *Iberoamérica*, no. 4, pp. 162–183. DOI: 10.37656/s20768400-2022-4-08.

Information about the authors.

Isabel Antonieta Morayta – Postgraduate (Sociology of Management) Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 18 scientific publications. Area of expertise: sociology of administration, public administration, state reforms, corruption, human behavior in different administrative contexts, comparative analysis, Russia, Argentina.

Nikolai A. Pruel – Dr. Sci. (Sociology, 2003), Docent (2015), Professor at the Department of Social Administration and Planning, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: sociology of administration, public administration, management of the organization, social forecasting.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.06.2023; adopted after review 22.06.2023; published online 20.11.2023.